* * *

В. Баянову

Словно маятник жизнь.
Только миг до мечты.
Но тебя отшвырнуло обратно.
А навстречу летит, не боясь высоты,
На качелях неистовых брат твой.

Ты ещё продолжаешь кричать, как во сне,
Зная точно, что он не услышит.
Но уже безотчётный, размеренный снег
Засыпает твой голос и крыши.

Что же ты улыбаясь стоишь у окна?
Умудрённый, усталый, гриппозный...
Это снова тебя догоняет весна,
Тёплый ветер да свист паровозный.

* * *

Так дождик длился, так кончался…
Так на тугих листах качался.
Так скапывал. Так уходил…
Что не было мне больше сил –
среди бумажек, средь разора,
среди наволгшей тишины –
вести с собою разговоры,
разгадывать чужие сны.
Но не обидевшись на спящих,
я вышел в ночь: и в шум, и в плеск.
Среди деревьев говорящих
я сам был сад и сам был лес.
Но в бездны мрака не сорвался
и разум свой не загасил.
И сад со мною волновался
и счастья всем и вся
просил.

* * *

Злость на сердце не прячу,
Понимаю вполне,
Что ни чёрта не значу
В родной стороне.

Где железною кровлей
Покрыв себе дачу,
Малой кровью оплатят
И боль, и удачу.

Я понять не спешу,
На какие шиши
Эти шорохи шуб,
Эти шелесты шин.

И к чему эта вся
Круговая возня.
И обидно одно –
Отмахнуться нельзя.

Отмахнуться,
Забраться к себе в конуру...
Потому что без слова живого
Умру.

* * *

Осенних сумерек лиловость.
На взгорке – дачи, лай собак.
Казалось, жизнь уже не в новость.
А вот, поди ж, не видел так.

Я здесь, с людьми на остановке,
В закатном свете весь перрон.
Букетов синие головки
Рассыпали вечерний звон.

Жить не суетно, не торопко...
И где увижу ещё, где?!
Как на гору взбегает тропка,
А рельсы тянутся – к звезде!

* * *

Болеть не хотелось. Однако
Как всем и себе доказать...
Ведь даже больная собака
Бросается сразу в глаза.

И я – пусть не пёс шелудивый,
Но время идёт под уклон.
Какие там, к чёрту, Мальдивы!
Какой летаргический сон?

Карабкаясь по горизонту
Немыслимо синих небес,
Спешу напитаться озоном
Улыбок, уловок, словес.

И чудо – опять кровь по жилам.
На место встаёт окоём.
И я не вздыхаю: «Пожили...»
А вновь улыбаюсь: «Живём!»

* * *

Всё работаю в ритме локатора,
Всё бегу за дотошным лучом...
Но от полюса до экватора
Я надежды пока не прочёл.

И мне стыдно заснуть
в эту ночь –
Давит космоса чёрная бездна,
И крестом проступает окно –
Всё не страшно и всё ничего.
Но вот то, что прожил
бесполезно...

И мне стыдно заснуть в эту ночь.

* * *

Когда свечою без плафона,
Когда иглой без патефона,
Когда полынною верстой
Бредёшь обочиной дороги,
В сухой пыли купая ноги,
Из дома, но к себе – Домой.

Нас будущее не пугает.
Оно совсем не понимает,
Что мы искали на Земле.
И в ломких сетях интернета
Летит усталая планета
И сыплет искрами во тьме.

Так нужно опоздать на поезд,
Потом брести в траве по пояс.
И лугом, лугом... Напрямки.
Подсвистнуть суслику на поле
И снять с себя пушинку боли.
И Землю снова обрести.

* * *

Простудой охватит, окрутит
И хриплое слово сорвёт.
Но жизнь всё равно не уступит
И новые силы вольёт.

Но если остуда, остуда…
Себя не сумеешь сберечь.
Никто не приходит оттуда:
Ни друг, ни надежда, ни речь.

* * *

Василию Попку

Опять всё перечёркнуто...
Ну что ж!
Бывает боль, что сам заголосишь ты.
Уйдёшь под дождь, под ветер и под нож
Под сирым небом, истинно российским.

И, одурев от водки и пурги,
С капелью первой выйдешь из тайги...
Встряхнёшь башкою на лугу росистом
Под небом голубым и истинно российским.

Откуда эта дурь и эта блажь?
Откуда путь неистребимый наш...
Уходим в одиночку и рядами.
Меч вытекает из моей руки,
Как солнце вытекает из реки...
Но вновь рассвет полощется над нами!

* * *

Всё хорошо...
Не знать, не видеть –
Что плохо.
У калитки в рай
Туман клоками на траве.
И так просторно голове,
Что хоть сегодня помирай.

Пока желанья нет – обидеть.
Пока нет страсти – растоптать…
Пока такая благодать,
Что и у смерти зла не выйдет.

* * *

Лишали хлеба и лишали дома.
Лишали неба, голоса, любви…
Отравная жиреющая дрёма
Тягуче разливалась по крови.

И, собственной наивности озлясь,
Срывались мы то в пьянки, то в дебоши.
А веры нас вообще лишают зря.
Что дальше? Что паскуднее? Что больше…

* * *

С чего это может быть грустно?..
Я знаю, как тени поют
И как полуночные люстры
Позвякивают.

И в доме не может быть пусто,
Когда это дом, а не тьма,
Когда для судьбы и для чувства
Хватает души и ума.

Хватает, хватает для счастья,
Слезу придержав на ветру,
Надежды подольше прощаться
С землёй, на которой умру.

* * *

...Но вдруг невнятная строка
На лист бумаги чётко ляжет
И понимать себя прикажет,
К судьбе и совести строга.

Потребует не затевать
Игру ума со словарями,
Сотрёт пейзаж «со снегирями»,
Оставит серые дома,
Оставит бледные любови...

На полувздохе, полуслове
Уйдёт – как и пришла – сама.